

241981

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

П.С. Рейфман

**ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНОЙ
БОРЬБЫ НА СТРАНИЦАХ РУССКОЙ
ПЕРИОДИКИ 1860-х ГОДОВ**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Diss. Tart.
410747

ТАРТУ 1972

Трудовой коллектив
Федору Дмитриевичу
и семье его, сиротам
и наукам их коллегам
14/IV-72 Вера

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

П.С. Рейфман

**ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНОЙ
БОРЬБЫ НА СТРАНИЦАХ РУССКОЙ
ПЕРИОДИКИ 1860-х ГОДОВ**

(Диссертация написана на русском языке)

10.640 - Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

ТАРТУ 1972

Работа выполнена на историко-филологическом факультете Тартуского государственного университета.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор П. А. Зайончковский,
доктор филологических наук, профессор А. В. Западов,
доктор филологических наук, профессор С. А. Рейсер.

Ведущее учреждение: Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена.

Автореферат разослан "13" *апреля* 1972 г.

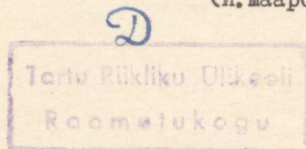
Защита диссертации состоится "23" *мая* 1972 г.

на заседании Совета историко-филологического факультета Тартуского государственного университета (Эстонская ССР, гор. Тарту, ул. Оликооли 18, Главное здание университета).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тартуского государственного университета

Ученый секретарь ТГУ

(И. Маароос)

427551

I.

В последние годы истории русской журналистики уделялось довольно много внимания. Особенно значительное число исследований посвящено демократической печати, изданиям 1860-х годов, которые всегда интересовали советских литературоведов и историков. Можно утверждать, что периодике 1860-х гг. в наибольшей степени "повезло": она, на первый взгляд, изучена весьма основательно. Тем не менее, история русской журналистики в целом, в том числе период 1860-х гг., — область, известная не столь уж детально; она не без белых пятен, довольно многочисленных и существенных, мешающих правильно представить не только общую картину развития, но и те отдельные звенья его, которые нам уже знакомы.

А.В. Западов в статье "К вопросу об изучении и преподавании истории русской журналистики", перечисляя основные исследования, посвященные периодическим изданиям, говорил о незавершенности, неполноценности многих из них. Он считал, что состояние изучения истории русской журналистики далеко не удовлетворительно, что подробно, монографически исследован только некрасовский "Современник". Особенно плохо, по словам Западова, известны русские газеты; почти совсем нет работ, им посвященных.^I

В настоящее время в замечания, высказанные автором упомянутой статьи, можно внести определенные коррективы. Тем не менее, многие задачи, намеченные А.В. Западковым в 1959 г., не решены до сих пор.

Когда речь идет об изучении русской журналистики 1860-х гг., необходимо учитывать следующее:

I

Вестник МГУ, серия историко-филологическая, 1959, № I, с. 79, 81.

Относительно известны ведущие издания: "Колокол", "Современник", "Русское слово", "Искра", а также "Дело" и некрасовские "Отечественные записки", вышедшие позднее. Обращение в первую очередь к анализу таких изданий вполне закономерно, но оно не достаточно. Вне поля обследования оказываются журналы и газеты, связанные с демократической идеологией, весьма интересные и прогрессивные, хотя и не имевшие первостепенного значения.

Мало изучена славянофильско-почвенническая, либеральная, консервативно-реакционная журналистика. Между тем, знание ее, дополняя сведения об изданиях демократических, позволяет более полно представить общественно-литературную атмосферу, общую картину прессы 1860-х гг. Многие проблемы, затронутые в периодике демократического лагеря, становятся до конца понятными лишь при сопоставлении с решением тех же проблем в изданиях либеральных и консервативных, причем выборочное обращение к высказываниям консервативных и либеральных публицистов по тому или другому вопросу, конечно, не дает того эффекта, какой получается при систематическом обследовании журналов и газет. Анализ содержания либеральных и консервативных изданий позволяет представить гораздо четче специфику позиции демократической периодики по многим вопросам, как общим, так и сравнительно частным.

Историки журналистики 1860-х гг. основное внимание уделяли периоду созревания революционной ситуации, времени общественного подъема. Это тоже закономерно и тоже недостаточно. Изучение эпохи реакции в значительной степени проясняет некоторые особенности развития революционно-демократической мысли, действий общества и народа; оно помогает понять очень существенные аспекты творчества ряда писателей, создававших свои произведения в годы, названные В.А.Слешовым "трудным временем".

Историками журналистики мало исследованы газеты 1860-х гг. Между тем, именно газеты в середине рассматриваемого периода приобретают первостепенное значение, отодвигая от-

части на второй план журналы, издания ежемесячные и еженедельные. Изучение ежедневных газет — дело особенно трудоемкое и кропотливое. И все же за него необходимо приниматься, не откладывая такого изучения на отдаленное время. Без знания газет, без детального монографического описания их историкам журналистики не обойтись.

Обращение к забытым газетам и журналам помогает выявить и множество более второстепенных деталей. Знание истории журналистики позволило бы избежать большого числа неточностей при оценке ряда литературных и общественных явлений.

На страницах второстепенных газет и журналов нередко обнаруживаются произведения неизвестные, прочно забытые, не учтенные первые публикации и т. п. Так, например, в "Русском инвалиде" начала 1860-х гг. помещены забытая заметка Писарева, интересная статья А. Ф. Головачева о творчестве Салтыкова-Щедрина, статья Н. ва (видимо, Лескова) о Шевченко. В "С.-Петербургских ведомостях" обнаружена первая публикация повести Н. Успенского "Сама". В "Гласном суде" впервые напечатан его же "Бучиловский уезд". В "Голосе" опубликована статья, написанная, вероятно, Гончаровым, но не учтенная литературоведами.

В 1863 г. в России выходило на русском языке 195 периодических изданий. К концу 1865 г. количество их увеличилось более чем на сто. Только петербургский цензурный комитет в 1865 г. рассматривал 77 частных журналов и газет. Естественно, что сплошь проанализировать всю эту массу периодики в диссертации не представляется никакой возможности. Отбирая материал, автор руководствовался следующими соображениями:

I. Он обращал внимание, главным образом, на издания демократические или, по крайней мере, с демократическими тенденциями. Все остальное привлекалось как фон, необходимый для более полного понимания демократической журналистики, той борьбы, которую она вела с либеральным и официально-консервативным лагерем.

2. В диссертации рассматривалась лишь периодика, выходящая в эти годы в России, точнее, в Петербурге и в Москве. Зарубежные бесцензурные издания, в том числе "Колокол" Герцена, специально не обследовались. При этом автор учитывал, что "Колокол" относительно хорошо изучен.

3. Обращалось преимущественное внимание на те периодические издания, которые мало исследованы. Поэтому в первой главе затронуты лишь отдельные проблемы, касающиеся журналов "Современник", "Русское слово" и "Искра". Подробно не говорится о газетах "Очерки", "Народная летопись", о журнале "Книжный вестник". Главное место уделено монографическому анализу содержания и проблематики "Современного слова", "Заграничного вестника", "Женского вестника", "Гласного суда", почти не изученных.

4. Автор считал закономерным, занимаясь периодикой 1863 - 1868 гг., включить в диссертацию главу, посвященную "Невскому сборнику" и "Лучу", которым присущи черты, типичные для демократической журналистики.

5. Касаясь преимущественно борьбы между демократическими, либеральными и консервативными изданиями, автор намеренно не останавливался на славянофильско-почвеннической журналистике. Вопрос о славянофильстве настолько сложен, что вряд ли целесообразно затрагивать его походя. Последняя дискуссия о славянофилах отчетливо показала это. Славянофильство и славянофильская периодика должны стать, и, несомненно, станут, предметом многих специальных исследований.

6. Значительное внимание в диссертации уделено газетам как периодическим изданиям, менее изученным и начинающим играть как раз в середине 1860-х гг. все большую роль.

7. В диссертации рассматривались лишь частные газеты и журналы. В нее не включался анализ официальной периодики.

8. Хотя "Колокол", "Современник", "Русское слово", "Искра", славянофильско-почвенническая журналистика, "Отечественные записки", "Русский вестник", "Весть", "Северная почта" не являлись непосредственным предметом изучения, систе-

матический просмотр упомянутых изданий оказался необходимым.

9. В диссертации затронуты вопросы стиля, слога, приемов, жанров, мастерства журналистов демократического лагеря, использования ими передовой, внутреннего и иностранного обозрения, хроники, фельетона, обращения к "эзоповскому языку" и т.п.

10. Подробно проанализированы взаимоотношения журналистики и администрации.

В диссертации использованы материалы Центрального государственного архива Октябрьской революции (Москва), Центрального государственного исторического архива (Ленинград), Центрального государственного военно-исторического архива (Москва), Центрального государственного архива литературы и искусства (Москва), Центрального государственного архива Эстонской ССР (Тарту), Исторического архива г.Москвы, Ленинградского исторического областного архива, рукописных отделов Института русской литературы АН СССР (Пушкинского дома), Московской государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина, Ленинградской государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина.

Диссертация состоит из девяти глав, введения, заключения и приложений. В последних помещены забытая статья о Шевченко, написанная, видимо, Н.С.Лесковым и опубликованная в "Русском инвалиде" за подписью Н - в., заметка Д.И.Писарева в "Русском инвалиде" по поводу романа Трехзвездочкина "Победа над самодурами", статья "Голоса" "Одно из неудобств уличной жизни", вероятным автором которой является И.А.Гончаров, указатели содержания к журналам "Заграничный вестник" и "Иенский вестник".

2.

В.И.Ленин в статьях "Памяти Герцена", "Из прошлого рабочей печати в России" указывал на преемственность и развитие идей освободительного движения, прошедшего три главные этапа: "Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул

революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями "Народной воли"¹. Эту преемственность идей хорошо ощущали непосредственные участники революционно-демократического движения. О ней думал Герцен, начиная свой рассказ о личности, встретившейся на пути истории ("Былое и думы"), с декабристов, с событий, определявших формирование декабристского движения (Отечественная война 1812 года). Таку преемственность имел в виду Некрасов, обращаясь к замыслу поэм о декабристах. О ней вел речь Степняк-Кравчинский, знакомя иностранных читателей с подпольной Россией.

Преемственность и развитие отчетливо заметны и внутри каждого из трех периодов. Революционность разночинцев, так же, как и революционность дворянская и пролетарская, не представляла собой чего-то застывшего, неподвижного. Она изменялась, проходила через ряд фаз. Революционность Белинского, Герцена 1840-х гг., отражавшая, в конечном итоге, движение масс на том этапе, когда в России не было революционной ситуации, когда на повестке дня еще не стоял вопрос о конкретных действиях, ведущих к коренному переустройству общества, к революции, отличалась, естественно, от революционного демократизма шестидесятников. Свои специфические особенности имеет и революционный демократизм семидесятых годов - народничество.

Да и в рамках 1860-х гг. революционная идеология менялась. Она, не утрачивая характерных особенностей революционного демократизма, была одной в период созревания революционной ситуации, иной во время ситуации созревшей, третьей - в годы, когда стало ясно, что революционная ситуация не переросла в революцию.

Необходимо исследовать каждый период во всей его специфичности, сложности, не замалчивая противоречий в изучаемых явлениях, но понимая, что противоречия вовсе не обязательно

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 261.

выводят такие явления из рамок революционного демократизма, что сами противоречия могут быть характерной особенностью революционного демократизма на известном этапе его развития. Именно по пути такого исследования идут авторы многих работ последнего времени (см., например, статьи и монографии С. А. Макашина, Е. И. Покусаева, А. А. Лебедева о Салтыкове-Щедрине и Чернышевском).

Основное внимание в настоящей диссертации уделено журналистике 1862 - 1868 гг. Такие временные границы намечены не случайно. Ряд событий позволяет обосновать их. Прокламации 1862 года, майские пожары, послужившие правительству предлогом для перехода в наступление против революционных сил, волна массовых репрессий, создание комиссии А. Ф. Голицына, арест Чернышевского и Писарева, приостановление "Современника" и "Русского слова", передача цензуры в ведомство министерства внутренних дел, временные правила о печати от 12 мая 1862 года, создание официальных и официозных газет ("Северная почта", "Голос"), передача некоторых изданий в руки новых редакторов ("Московский вестник", "С.-Петербургские ведомости"), польское восстание, изменение общественной атмосферы, превращение многих вчерашних "нигилистов" в "титularных советников", перемена общей тональности журналистики, усиление ее продажности, роли "четвертака", о котором писал Салтыков-Щедрин,¹ все более отчетливое звучание в журналистике доносительных мотивов, нарастание волны официального "квасного патриотизма", охватившего сравнительно широкие слои общества, трудное положение, в которое были поставлены демократические издания, - все эти факты, относящиеся к 1862 - 1863 гг., позволяют достаточно четко определить начало нового периода.

Названный временной рубеж ощущали довольно ясно и современники. Его имел в виду Салтыков-Щедрин, указывая, что "1862 год совершил многое: одним он дал крылья, у других таковые

---

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч. в 20 тт., т. 6, М., 1968, с. 13.

спиб"¹. Его отмечал и Герцен, говоря, что именно с 1862 года, с "поджогов, лишенных поджигателей", "начинается циническая близость полиции и печати, открытая связь правительства с журналистикой"².

Изменение общего направления литературы и журналистики с 1862 — 1863 гг. отражено и в отзывах официальных кругов. В отчете III Отделения за 1863 г. говорилось: "Никогда еще литература не имела такого политического характера, каким она ознаменовала себя с начала 1863 года"³. П. И. Капнист, видный чиновник цензурного ведомства, с удовлетворением вспоминал, что с 1862 г. прекратились статьи, проповедующие материализм, безверие и коммунизм, колеблящие основы самодержавия⁴. Капнист в значительной степени преувеличивал успехи, которых удалось добиться властям в борьбе со свободолобливой литературой, но общее изменение общественно-литературной обстановки после 1862 года отмечено им верно.

Концом рассматриваемого периода и одновременно началом следующего можно считать передачу "Отечественных записок" в руки Некрасова и Салтыкова-Щедрина, появление в журналистике новых тенденций, связанных со становлением народничества.

Выделение 1868 г. как отграничивающего временного рубежа имеет в какой-то степени условный характер. Не менее важной вехой в истории русской периодики был 1866 г., с каргозовским выстрелом, с последовавшей за ним реакцией, запрещением "Современника" и "Русского слова" и т.п. Вернее, пожалуй, говорить о том, что 1866 г. в развитии русской журналистики завершает "шестидесятье", а 1868 г. открывает "семидесятье" годы. Но между ними, в переходное время, выходит

---

¹ Там же, с. 302.

² А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 тт., т. XVII, М., 1959, с. 251.

³ Н. Ф. Бельчиков. Литература 60-х годов по отчетам III Отделения. — "Красный архив", 1925, т. I (8), с. 215.

⁴ П. И. Капнист. Соч., т. 2, М., 1901, с. 435.

ряд журналов и газет, часть из которых тяготеет к семидесятым годам ("Дело", "Неделя"), а часть - к шестидесятым ("Женский вестник", "Гласный суд"). Последние, видимо, правомерно рассматривать в рамках периода 1862 - 1868 гг.

Эти годы - время, густо насыщенное событиями, которые нашли отражение и в журналистике. Правительство, напуганное ростом революционного движения, проводит ряд репрессивных мер, направленных против литературы. Параллельно с этим, широко используя методы подавления, власти стремятся и к более "гибким" действиям. Как раз весной 1862 г.¹ в Совете министров обсуждается доклад министра народного просвещения Головнина, предлагавшего выработать систему мер, при которых можно бы было не только сделать литературу безвредной, но и "дать ей по возможности направление, соответствующее видам правительства"¹. Рекомендуемые меры получили одобрение царя. Министерства просвещения и внутренних дел настойчиво пытаются проводить их в жизнь, управлять журналистикой при помощи "четвертака". Получают широкое распространение издания, в той или иной степени субсидируемые правительством ("Наше время", "Голос", "Весть" и др.).

Как средство "нравственного" воздействия на литературу и журналистику была задумана и газета "Северная почта", выходящая с 1862 г. при министерстве внутренних дел. Валуев стремился придать ей вид самостоятельного умеренно-либерального издания. Однако близость к министерству, ведавшему полицией, сказывалась на каждом шагу, начиная с методов распространения "Северной почты". Как раз в конце рассматриваемого периода "Северная почта" прекратила свое существование. В 1868 г. она была преобразована в "Правительственный вестник". Такое преобразование не являлось делом чисто формальным. Оно, в частности, определялось отказом правительства от неудавшихся попыток оказывать "нравственное" воздействие на журналистику.

---

¹ ГИБ, ф.203, оп.1, № 222, л.4 об.

В обстановке 1862 - 1868 гг. лишь консервативные и официозные издания могли себя чувствовать относительно спокойно, да и они не были избавлены от всякого рода цензурных передраг. Положение либеральных и славянофильско-почвеннических газет и журналов оказалось значительно более сложным. Их не следует отождествлять с консервативной и либерально-официозной периодикой, с изданиями Каткова и Краевского, но не следует затушевывать и ту коренную разницу, которая существовала между ними и журналистикой демократического лагеря.

Последняя в 1863 - 1868 гг. в значительной степени отличалась от изданий революционных демократов периода общественного подъема. Это отличие вызвано и своеобразием исторической обстановки, и спецификой развития революционной мысли в годы общественного спада.

Во главе демократической журналистики "трудного времени" стояли, как и в предыдущие годы, "Современник" и "Русское слово". Оба издания сохранили характерные особенности, позволяющие относить их к одному, революционно-демократическому, лагерю. Но в содержании обоих журналов отразились и противоречия времени. В неревлюционный период проявились особенно отчетливо слабые стороны крестьянства, непрочность общественной поддержки освободительного движения. Правительству удалось на время расправиться с демократическими силами, революционный народ как бы исчезает с исторической арены.

В связи с этим перед демократическими изданиями возникает необходимость осмыслить исторические уроки, понять, почему победила реакция, почему революция потерпела поражение. В свете осмысления таких уроков происходит переоценка своей позиции, пересматриваются многие положения, начинаются поиски новых путей, новой тактики, при сохранении прежнего революционно-демократического идеала. Такая переоценка -

процесс сложный и болезненный. В.И. Ленин писал, что Россия "поистине выстрадала" "правильную революционную теорию"¹. Победа реакции привела революционных демократов к некоторой утрате ясности перспектив движения, к исчезновению надежд на близкую народную революцию, к осознанию трагичности своего положения. В то же время новая обстановка позволила более трезво разобраться в противоречиях крестьянских масс, понять не только силу, но и слабость, пассивность, общественную инертность этих масс. В такой обстановке само крушение надежд, ощущение трагичности, отсутствие четких положительных выводов означали не только слабость, но и силу, свидетельствовали о понимании несостоятельности выводов иллюзорных, о нежелании довольствоваться ими.

Своеобразие революционной мысли "трудного времени" сказывается в 1863 - 1866 гг. и в направлении "Современника" и "Русского слова". Задачи и цели у них остаются одни и те же.² Но обе редакции надеются достичь их разными путями. Юриски и в том, и в другом случае не увенчиваются успехом, так как сама действительность не давала возможности найти реальные способы выхода из тупика. Между "Современником" и "Русским словом" намечаются серьезные разногласия, которые привели к ожесточенной полемике, к "расколу в нигилистах". О нем писали многие исследователи. Подробно разобраны точки зрения спорящих сторон, приведено большое количество ценного и интересного материала. Не раз говорилось об обстановке, породившей полемику, о причинах спора и т.п. Тем не менее, до сих пор высказываются различные, нередко взаимоисключающие, мнения о том, кто более виноват в "расколе", "Современник" или "Русское слово".

Анализ содержания обоих журналов, сопоставление опубликованных с начала 1863 г., еще до возникновения открытого спора, статей, позволяет утверждать, что вообще неправомерно оценивать полемику "Современника" с "Русским словом" с точки зрения "поисков виновных", на какую бы из сто-

---

¹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 8.

рон ни возлагалась ответственность.

Размышления о причинах торжества реакции, о путях преодоления ее привели сотрудники "Русского слова" к выводу о первостепенном значении вопросов естественно-научных, социально-экономических. Основные надежды редакция возлагала на демократическую интеллигенцию, на увеличение числа "мыслящих пролетариев", на развитие науки. Эти надежды в какой-то степени были вызваны разочарованием в народе, в его способности к активному революционному действию. Они связаны с недооценкой потенциальных возможностей русского крестьянства, с некоторым пренебрежением к проблемам общественно-политическим. На первый взгляд может показаться, что положения, сформулированные редакцией "Русского слова", иногда отражают ее отход от революционного демократизма к либеральной идеологии, к увлечению теориями "постепенности", "чистой науки", что они свидетельствуют об измене прежним традициям, компрометируя своими крайностями идеи демократического лагеря. Именно так воспринимала эти положения редакция "Современника", справедливо указывая на слабые стороны позиции журнала Благосветлова, но неправомерно истолковывая противоречия "Русского слова" как отступления от революционного демократизма.

По иному пути шли поиски "Современника". Сознывая темные стороны современного "исторического народа", его слабости, облегчившие победу реакции, видя утопичность надежд на близкую революцию, редакция понимала несостоятельность позиции безнародности. Она сохранила веру в народ, в его потенциальные возможности. Для редакции "Современника" типично стремление к практической деятельности, связанной с массами, с постепенным разъяснением им порочности существующего порядка. Все это определяло внимание к проблеме народа, в том числе к вопросу об его недостатках, слабостях.

Знаменательно, что вопрос о недостатках народа занимал в "Современнике" гораздо больше места, чем в "Русском слове". Но задачи обращения к этой теме были у обеих редакций разные. Журнал Благосветлова обращался к ней, чтобы дока-

зать иллюзорность надежд на народную инициативу, "Современник" же стремился разобраться в противоречиях народа, чтобы найти путь их преодоления.

Для редакции "Современника" характерно и сильное, далеко не обосновательное разочарование в части разночинной интеллигенции, оказавшейся нестойкой в трудных условиях наступающей реакции. На это разочарование наслаивалось и столь типичное для Салтыкова-Щедрина недовольство теоретичностью, абстрактным утопизмом, стремление к преодолению разрыва между теорией и практикой, к практическому общественному делу. Последнее всегда сближалось с народом, с изменением его облика, с пробуждением его самодеятельности, активности. Признавая важность социальных проблем, уделяя им много внимания, редакция "Современника" продолжает придавать большое значение вопросам общественно-политическим.

Но и в позиции "Современника" тоже имелись свои слабые стороны. Как и в "Русском слове", речь идет о неблизких, постепенных изменениях. Утопичны были надежды помочь народу, занимая посты ткалинских городничих и белебеевских исправников, призывы "взойти на возвышение". Такая позиция тоже могла показаться на первый взгляд отходом от революционно-демократических идеалов к либерализму, к примирению с существующим, к теории "малых дел", к восхвалению либерально-чиновничьей деятельности. Так и воспринималась она сотрудниками "Русского слова". Но такое восприятие, как и отношение "Современника" к журналу Благосветлова, было далеко не объективным. Не к примирению с действительностью, не к либерализму вели, хотя и по-разному, тенденции, намечавшиеся в обоих изданиях, а к народничеству 70-х годов, с его сильными сторонами и противоречиями.

4.

К числу ведущих журналов демократического лагеря 1860-х гг. относилась и "Искра". Наиболее тесно она была связана с направлением "Современника". И "Современник", и

"Искра" часто одновременно ставили те же проблемы, решали их одинаковым образом, откликаясь на те же события. Это отчетливо видно при сопоставлении печатавшейся в "Современнике" "Нашей общественной жизни" Салтыкова-Щедрина и "Искры" 1863 - 1864 гг. И Щедрин, и "Искра" решительно защищают революционно-демократическую идеологию, осуждают реакцию, усилившуюся после 1862 г.; они отмечают обвинения в поджогах, которые правительство пыталось приписать революционерам. Щедрин и "Искра" высмеивают официальный "патриотизм", шовинистический угар, вызванный восстанием 1863 г. в Польше. Они сходно реагируют на многие жизненные явления, порожденные обстановкой: аресты революционеров, верно-подданнические тосты, попытки Юркевича опровергнуть материализм и т. п.

Близкой оказывается и оценка ряда тенденций, проявившихся в литературе, в журналистике: деятельности Каткова, либеральных "Отечественных записок" и официозного "Голоса", почвеннического "Времени", славянофильских изданий, "антинигилистического романа", произведений Тургенева и др. Нередко сходство проявляется не только в общем подходе к изображаемым событиям, но и в отдельных деталях.

Сам отбор фактов и, особенно, их осмысление свидетельствовали об идейно-художественной близости "Современника" и "Искры". Но дело было не только в этом. Сходство многочисленных откликов на те же события иногда вызвано прямым взаимовлиянием. Вряд ли следует в каждом конкретном случае акцентировать вопрос о непосредственном воздействии "Искры" на Щедрина или Щедрина на "Искру". Источник влияния далеко не всегда можно установить. Сходные отклики первоначально появлялись то в "Искре", то в "Нашей общественной жизни", то в произведениях сотрудников "Современника", "Русского слова", "Очерков", других демократических журналов и газет. Как указывает В. В. Гиппиус в статье "Литературное окружение М. Е. Салтыкова-Щедрина", проблема "фактического влияния одного произведения на другое" отодвигается на задний план; главным оказывается "самый факт распространенно-

сти данной темы или данного приема в известных условиях и в известной среде"¹.

Но и при подобном подходе детальное сопоставление всех обнаруженных фактов сходства образов, приемов, мотивов и т. п. имеет большое значение, помогая выяснить степень распространённости определенных тем и приемов, идейно-художественной близости сотрудников изданий демократического лагеря.

К. И. Чуковский писал, что революционные демократы 1860-х гг. создали особый язык, стиль, рассчитанный на длительное, планомерное воздействие на читателей. Одна из важных особенностей этого языка - коллективность его создания и применения; он стал "созданием всей группы писателей, руководивших журналом. То был их общий язык"².

Выводы Чуковского об "общем языке" применимы, в какой-то степени, не только к сотрудникам одного журнала (например, "Современника"), но и ко всей демократической журналистике 1860-х гг. Подробное изучение сходства тем, проблем, образов, приемов, встречающихся в "Нашей общественной жизни" и в "Искре", помогает понять, какой значительный вклад внесли Салтыков-Щедрин и сотрудники "Искры" в сокровищницу общего языка русской демократической журналистики, как широко они пользовались этим языком.

Сопоставительное изучение содержания "Нашей общественной жизни" и "Искры" позволяет выяснить и ряд частных, но немаловажных деталей (например, генезис образа Бенескриптова - Писарева; см. январскую хронику "Нашей общественной жизни" за 1864 г.).

5.

В 1860-е гг. к демократическому направлению в большей или меньшей степени примыкали журналы "Книжный вестник",

¹ "Родной язык в школе", 1927, кн. 2, с. 78.

² Корней Чуковский. Собр. соч. в 6 тт., т. 4, М., 1966, с. 693.

"Заграничный вестник", "Женский вестник", газеты "Очерки", "Народная летопись", "Современное слово", "Гласный суд". С периодикой демократического направления тесно связаны "Невский сборник" и "Луч". Далеко не все упомянутые издания изучены в достаточной мере. Между тем, знакомство с ними позволяет существенно пополнить наши знания о лагере демократической журналистики 1860-х гг., представленной значительно большим числом газет и журналов, чем обычно принято считать. Такое знакомство раскрывает и пути, при помощи которых идеи, высказанные в ведущих революционно-демократических изданиях, проникали в общество.

Отчетливо ощутимы демократические тенденции в газете Н.Г. Писаревского "Современное слово". В трудной обстановке 1862 - первой половины 1863 г., в период временного прекращения "Современника" и "Русского слова", эта газета вела борьбу с правительственной реакцией, защищала "мальчишек", "нигилистов", показывала порочность самодержавно-бюрократического устройства. По большинству затрагиваемых вопросов "Современное слово" было солидарно с журналами революционно-демократического направления. Его издатель-редактор поддерживал связи с Герценом. В "Современном слове" печатались многие сотрудники "Современника", "Русского слова", "Искры" (Н.С. Курочкин, Артур Бенни, Н.К. Михайловский, И.Г. Прыжов, С.С. Шашков и др.).

Прогрессивные круги высоко оценивали газету Писаревского, ее ожесточенно преследовали реакционная пресса и правительство. Власти утверждали, что "Современное слово" приняло за правило "проводить в публику противоправительственные идеи", что в нем подробно излагается все, "что не благоприятствует началу монархическому", что статьи, публикуемые в газете, исполнены "резкого порицания и едкой насмешки над <...> образом действий правительственных властей и учреждений"¹.

В начале июня 1863 г. "Современное слово" было запреще-

---

¹ ЦГИАЛ, ф. 773, оп. I, 1862, № 300, л. 5 об., 6.

но. В 167-м листе "Колокола" перепечатано распоряжение о прекращении газеты Писаревского, противоречащее, по мнению Герцена, здравому смыслу. "Но ведь и не сказано, — добавлял саркастически издатель "Колокола", — что дело это решено по здравому смыслу. Только по высочайшей воле".¹

К числу изданий демократического направления принадлежал и журнал "Заграничный вестник", негласно редактируемый П.Л. Лавровым. Первая половина 1860-х гг. — период идейного сближения Лаврова, в то время уже видного ученого и литератора, с руководителями революционно-демократического лагеря, с Чернышевским, с кругом "Современника". Сам замысел "Заграничного вестника" Лавров связывал с необходимостью пропаганды революционных идей. Изучение содержания и проблематики журнала, отзывы о нем приводят к выводу, что "Заграничный вестник" — издание серьезное и прогрессивное, пользовавшееся сочувствием демократического читателя, революционно-демократической периодики и вызывавшее ненависть властей и реакционной журналистики. Редакция "Заграничного вестника", при помощи своеобразных приемов, определенным образом подобранных и прокомментированных переводов, используя преклонение правящих кругов России перед иностранными авторитетами, сумела в обстановке наступавшей реакции сохранить верность традициям Чернышевского и Добролюбова, "Современника" и "Русского слова".

К лагерю демократической журналистики 1860-х гг. относятся и журнал "Женский вестник", в организации и редактировании которого принимали деятельное участие В.А. Слепцов, М.М. Стопановский, П.Н. Ткачев, Н.А. Благовещенский, Е.И. Конради — одна из видных поборниц свободы женщин в России. В "Женском вестнике" опубликовано большое число произведений писателей-демократов: Г.И. Успенского, Н.Г. Помяловского, Н.Ф. Бакина, Л.И. Пальмина, Н.А. Вормса, И.В. Федорова (Омулевского), статей П.Л. Лаврова, Н.М. Ядринцева и участников революционного движения 1860-х гг. В.В. Чуйко, С.Я. Капустина, М.Ф.

---

¹ "Колокол", 1863, лист 167, с. 1377.

Негрескула. Вокруг "Женского вестника", после запрещения "Современника" и "Русского слова", пытались объединиться многие литераторы, сотрудничавшие ранее в журналах Некрасова и Благосветлова. Несмотря на то, что демократизм направления "Женского вестника" не всегда достаточно последователен, вне зависимости от субъективных намерений издательницы А.Б.Мессарош и редактора Н.И.Мессароша, журнал выдержан, в основном, в духе демократических традиций. В нем уделялось много внимания женскому вопросу, вообще игравшему важную роль в системе взглядов разночинцев-революционеров 1860-х гг. Решение этого вопроса, широко обсуждавшегося в изданиях разного направления, близко выводам "Современника", "Русского слова": упор делается на проблемах социально-экономического положения женщины.

Но содержание журнала Мессарош не ограничивалось "женской" тематикой, пусть даже решаемой в радикальном ключе. "Женский вестник" затрагивал самые различные стороны социально-политического устройства России, подводя читатель к мысли о коренной несостоятельности этого устройства.

В журнале заметно иногда ощущение растерянности, надрыва, трагической безысходности, определяемое торжеством реакционных сил и удивившее от основного русла развития русской революционно-демократической мысли. Особенно отчетливо такие тенденции видны в отделе "словесности", в повестях и романах Н.Ф.Бажина, Н.А.Благовещенского, К.Кованько, в стихотворениях И.Рончевского и др. Тем не менее, основная группа сотрудников "Женского вестника" не приходит к примирению с действительностью, к оправданию ее.

В период разгула реакции, после запрещения "Современника" и "Русского слова", писатели демократического лагеря в какой-то степени пытались восполнить отсутствие журнальной трибуны изданием "Невского сборника" и "Луча". Оба сборника непосредственно примыкали к демократической периодике 1860-х гг. Выпуск "Луча" прямо связан с попыткой редакции "Русского слова" обойти цензурный запрет, напечатать в виде сборника то, что предполагалось ранее опублико-

вать в журнале. "Луч", по сути дела, — тот же журнал, принявший, из-за определенных обстоятельств, форму сборника.

Если "Луч", в основном, продолжал традиции "Русского слова", то "Невский сборник", вокруг которого, главным образом, группировались сотрудники "Искры", был ближе направлен к "Современнику". Он объединял многих из тех литераторов, которые позднее составили ядро некрасовских "Отечественных записок". Редактор "Невского сборника" и активный участник его, Н. С. Курочкин, в будущем войдет в руководящую группу преобразованных "Отечественных записок". В сборнике опубликованы произведения писателей, имена которых встречались в "Отечественных записках" не реже, а иногда и чаще, чем в "Искре". "Невский сборник" не был имористическим или сатирическим изданием. Он выдержан в традициях "толстых" журналов. Редакция "Искры" выпускала время от времени сборники, которые служили как бы приложениями к ней ("Календарь "Искры" на 1866 год", "Календарь "Искры" на 1867 год"). "Невский сборник" не похож на них. Думается, что его нужно оценивать прежде всего как одну из попыток издания в духе "Современника" в период между запрещением этого журнала и преобразованием "Отечественных записок".

Демократические тенденции ощущаются и в газете А. Н. Артоболевского "Гласный суд", хотя ее нельзя назвать демократическим изданием в полном смысле этого слова. Несколько месяцев газету редактировал довольно тесно связанный в 1860-е гг. с демократическим движением П. А. Гайдебуров. В ней сотрудничали Н. А. Демерт, Н. С. Курочкин, Н. К. Михайловский, Д. Д. Минаев. Администрация прямо сближала "Гласный суд" с традициями запрещенного "Современника"¹. Прекращение газеты Артоболевского было вызвано не только непредусмотрительными действиями ее издателя-редактора, поместившего запрещенный цензором материал, порочивший московского обер-полицеймейстера, но и общим направлением "Гласного суда".

---

¹ Щукинский сборник, вып. У, М., 1906, с. 509.

Демократической периодике противостояла либеральная, славянофильско-почвенническая, консервативная, официальная, официальная журналистика. Каждое из названных направлений имело свои существенные особенности. Расхождения между отдельными группами изданий были весьма серьезными и вызвали непрекращавшуюся полемику, часто чрезвычайно резкую. Poleмика нередко возникала и между изданиями одного направления. Исследование показывает, что либеральная и консервативная журналистика — далеко не одно и то же; издания, объединяемые под общим названием "либеральных", иногда совсем не похожи друг на друга; они ожесточенно спорят по весьма принципиальным вопросам; точки зрения различных консервативных газет и журналов отнюдь не во всем совпадают, не всегда соответствуют намерениям правительства.

Но за этим противоречивым многообразием вырисовываются черты, сближающие непохожие на первый взгляд издания и направления. Даже самые "левые" либералы, солидарные во многих случаях с демократической журналистикой, не отрицали коренных основ, "краеугольных камней" существовавшего порядка, враждебно относились к возможности революционного переустройства действительности, к "крайностям" "нигилистов", стремились к сделке с правительством за счет народа. Главной, определяющей для журналистики 1860-х гг. была борьба не между изданиями либерального, славянофильско-почвеннического, консервативного направлений, а между революционными демократами и их противниками.

Следует при этом учитывать широту распространения демократических идей, отражение их в периодике, которая не была последовательно демократической. Необходимо помнить, что публицисты демократического лагеря нередко вынуждены были сотрудничать в газетах и журналах, чуждых им по направлению, что редакторы порой обращались к демократическим идеям из спекулятивных соображений, стремясь завое-

вать читателей.

Граница между демократическим и противостоящими ему направлениями не всегда отчетливо заметна, однако нельзя не увидеть ее при более внимательном изучении. Иногда отдельные демократические и либеральные издания во многом близки друг другу, придерживаются сходных точек зрения. Так, например, либеральная газета "С.-Петербуржские ведомости", редактируемая В.Ф.Коршем, в решении многих вопросов была солидарна с демократической периодикой, с мнениями, высказанными в "Современнике", со взглядами Чернышевского. Она относилась неприкрыто-враждебно к официозному "Голосу", к "Московским ведомостям" и "Русскому вестнику" Каткова, к дворянско-крепостнической "Вести". В "С.-Петербургских ведомостях" сотрудничали литераторы демократического лагеря: Н.А.Демерт, Н.В.Успенский, Марко Вовчок, В.В.Стасов, С.С.Шашков, М.П.Драгоманов и др. Одним из ведущих публицистов газеты Корша был в 1860-е гг. В.П.Буренин, пришедший позднее к оголтелой реакционности, но в рассматриваемое время печатавшийся в "Современнике", "Искре" и воспринимавшийся как писатель демократического направления. В "С.-Петербургских ведомостях" публиковали свои произведения видные русские прозаики и драматурги (Тургенев, Островский и др.). Важную роль в газете играл А.С.Суворин, пользовавшийся еще репутацией радикала, хотя уже тогда эта репутация была далеко не заслуженной.

Тем не менее, направление "С.-Петербургских ведомостей", в самые "цветущие" их годы, не выходило за рамки либерализма. Анализируя материалы газеты Корша, мы видим, что встречающаяся нередко их близость содержанию демократической периодики не уничтожала границы, отделявшей либералов от демократов. Редакция, давая сравнительно последовательную и разностороннюю критику русской действительности, не претендовала на отрицание системы общественного устройства. В "С.-Петербургских ведомостях" ясно ощущались тенденции, направленные против революционных демократов, "Современника", идей Чернышевского, Добролюбова, особенно против "Русского

слова", хотя такие тенденции были выражены гораздо менее открыто и прямолинейно, чем в официальном "Голосе", в изданиях Каткова, в скарятинской "Вести". Но стремление сохранить некоторую независимость и честность, писать хотя бы относительно правду, настаивать на возможно более полном и скором осуществлении начал, которые правительство объявило основой политики реформ, приводило на каждом шагу к столкновениям с властями, вызвало отстранение Корша от редактирования в 1874 г.

Изучение периодики 1860-х гг. помогает проследить эволюцию либерального обличительства. Во второй половине 1850-х гг., когда Александр II только что пришел к власти, акцент делался на изображении недостатков, хотя и в то время либеральное обличительство не затрагивало "корней" явлений. К середине 1860-х гг. положение изменилось. Критика, даже в узких рамках обличительства, оказывалась неприемлемой для правительства. Поэтому в рассматриваемый период обличительство либо приобретает, несмотря на свои ограниченность, оппозиционный характер, либо перестает быть обличительством, перерастает в либеральную благонамеренность, в либеральную официозность, славословящую действия властей, "утрачивает последние остатки своей куриной неприязненности к куриному злу"¹. В первом случае оно часто воспринимается администрацией как сила враждебная, близкая "нигилизму", заслуживающая подавления и репрессий. Последнее, в свою очередь, усиливает оппозиционность, вызывает сопротивление. Во втором случае почти сглаживается граница между консервативной и либеральной благонамеренностью; в подавляющем большинстве конечных выводов они сливаются, сохраняя различия в деталях. Примером первого пути могут служить "С.-Петербургские ведомости", примером второго — "Голос".

I

М. Е. С а л т и к о в - Щ е д р и н. Собр. соч. в 20 тт., т. 6, с. 41.

Направление изданий любого времени проявляется в первую очередь в их отношении к главным вопросам эпохи. Для России 1862—1868 гг., как и ранее, в период революционного подъема, одним из таких самых главных вопросов был крестьянский вопрос. Он занимал чрезвычайно важное место в газетах и журналах различных направлений.

Издания демократического лагеря сумели показать, что реформа 1861 года отнюдь не является решением этого вопроса. К такой мысли постоянно возвращается "Современник", например, в хрониках "Нашей общественной жизни" Салтыкова-Щедрина, в статьях В. Г. Луковского и др. Тема крепостничества, рабства, тяжелой крестьянской жизни постоянно затрагивалась в той или иной форме "Современником", являясь свидетельством того, что, с точки зрения редакции, в послереформенные годы эта тема не изжила себя, продолжает оставаться злободневной. Она находит широкое отражение и в отделе "Словесность", в литературных произведениях, напечатанных в "Современнике". В 1863 г. в журнале опубликованы, например, стихотворение Некрасова "Страда", рассказ Салтыкова-Щедрина "Миша и Ваня", "У перевоза" Н. А. Наумова, "Питомка" и "Ночлег" Слепцова, "Записки хуторянина" Н. М. Мазуренко, "Обитатели села Лыкова" Комоневского и другие произведения, посвященные крестьянскому вопросу.

С этим вопросом связаны и высказывания о рабстве негров, о войне Севера против Юга. Сочувственные отзывы о событиях в Америке, о действиях северян, противников рабства, встречались в рассматриваемое время почти во всех периодических изданиях, начиная с либеральных "С.-Петербургских ведомостей" и кончая "Московскими ведомостями" Каткова. Такие отзывы, как правило, проицировались на проведенную русским правительством крестьянскую реформу. Они должны были указать на сходство преобразований, проводимых Линкольном и Александром II, на благотворность и необходимость этих пре-

образований.

Совсем иную роль подоонные отзывы играли в газетах и журналах демократического лагеря. Входя составной частью в общую систему высказываний по крестьянскому вопросу, они отражали критическое отношение к реформе, к послереформенной действительности.

О недостаточности всей системы реформ, в том числе крестьянской реформы, идет речь, в сущности, и в статье В. А. Зайцева о книге Дизго Сориа "Общая история Италии 1846 - 1850 гг." Эту статью исследователи обычно рассматривают как одно из наиболее серьезных отступлений редакции "Русского слова" от революционно-демократических позиций. Но, при всей ошибочности выводов, к которым пришел Зайцев, при всей недооценке им роли народа, его статья о книге Сориа в целом весьма интересна, прогрессивна, определена общими тенденциями "Русского слова" и направлена против той спекуляции понятием "народность", к которой столь широко прибегали в 1863 г. реакционные круги. Основной пафос статьи связан с критикой правительственных реформ и буржуазного либерализма.

О тяжелом положении пореформенного крестьянства, об его бедности, темноте, необразованности постоянно упоминают и сотрудники "С.-Петербургских ведомостей". В газете Корша неоднократно идет речь об упадке сельского хозяйства России. Рассказывается, что интересы крестьян ущемляются, хотя со стороны кажется, что права их и помещиков равны. Как и демократические издания, "С.-Петербургские ведомости" объясняют пороки народа (нищенство, пьянство, проституцию) тяжелым положением его. Самоуправление, по словам сотрудников газеты, оказывается иллюзией; помещики, пользуясь чересполосицей, обирают крестьян, отрезают себе лучшие земли.

Но в статьях, публикуемых в "С.-Петербургских ведомостях", отчетливо слышатся и либеральные ноты. Первостепенной задачей провозглашается просвещение. Редакция выражает надежду, что при помощи образованных классов народ сможет изжить безобразные явления, которые накладывают столь мрачный отпечаток на его жизнь. Сами эти явления связываются лишь с прошлым -

с крепостничеством, уничтоженным по благой воле правительства. Провозглашается вера в то, что одни из недостатков постепенно излечатся, другие исчезнут по мере образования народа, с развитием самоуправления, земских учреждений. В газете явно преувеличивается значение земства как внесословного начала, выражающего, якобы, интересы всего народа. Идеализируется роль мировых посредников. Да и деревенские порядки послереформенного времени описываются иногда в идиллических тонах.

С защитой реформ, в том числе и крестьянской реформы, выступал официальный "Голос", осуждая одновременно "нетерпеливцев", сторонников "скачков и бесполезной ломки", выражая уверенность, что правительство будет и дальше продолжать "так счастливо начатое Им дело нашего государственного преобразования"¹.

Наряду с похвалами крестьянской реформе, постоянно повторявшимися в большинстве изданий, противостоящих демократическому лагерю, в журналистике 1860-х гг. довольно отчетливо, хотя внешне замаскировано, вырисовывается позиция критики справа "Положения 19-го февраля". Такая позиция наиболее характерна для "Вести", выразившей точку зрения крупных помещиков, противников уничтожения крепостного права, старавшихся доказать пагубность всяких изменений, подрывающих старый уклад. "Весть" утверждала, что именно в крестьянской реформе коренятся причины "язв" пореформенной русской экономики, того кризиса, который испытывало сельское хозяйство.

В первые годы издания Катковым "Московских ведомостей" их позиция по крестьянскому вопросу во многом совпадала с выводами "Вести". Номинально катковская газета с самого начала пропагандировала политику правительственных реформ, но по существу она относилась к ним весьма сдержанно. В целом Катков принимает крестьянскую реформу, но со многими оговорками в духе "Вести".

---

¹ "Голос", 1865, № 50, 1863, № 1.

В "Московских ведомостях" не было таких резких нападок на народ, какими изобилвала "Весть". Они противоречили бы концепции "официальной народности" и "патриотизма", явившейся знаменем катковской газеты. Однако, в "Московских ведомостях" нередко публиковались статьи и заметки, в которых ясно видны барское пренебрежение и враждебность к народу. Подобная враждебность проглядывает, например, в материалах о нищенстве, о народном пьянстве, о крестьянском самоуправлении, о телесных наказаниях.

Отношение к крестьянскому вопросу определяет и высказывания "Московских ведомостей" о земстве, о роли в нем помещиков и крестьян. Газета Каткова указывает на пользу земства, на необходимость предоставить ему широкое поле деятельности. Отвергаются попытки ограничить земство рамками местных хозяйственных мелких дел, поставить его под контроль администрации. Вопрос о земстве для Каткова неотделим от вопроса о значении в земстве дворянства. В отличие от "Вести", "Московские ведомости" осуждают сословную замкнутость дворянства. Редакция призывает дворян встать во главе земства, уверяя, что они способны отказаться от узко-сословных интересов, целиком посвятить себя служению обществу.

Земское самоуправление "Московские ведомости" противопоставляли административной бюрократической регламентации, которая, по мнению Каткова, являлась существенным злом. На первый взгляд, подобные рассуждения кажутся довольно прогрессивными, в какой-то степени оппозиционными властям. В данном вопросе позиции "Московских ведомостей" и "С.-Петербургских ведомостей" как будто смыкаются. По сути же дела точка зрения Каткова на отношения земства и администрации связана с защитой дворянских интересов, со стремлением усилить роль дворянства в общественно-политической жизни страны, увеличить его независимость и самостоятельность. Она направлена против демократических тенденций, крестьянского самоуправления. В отличие от "Вести", пренебрегавшей земством, "Московские ведомости" стремились завоевать его, превратить

в оплот дворянства, который можно противопоставить и низам, и, в случае необходимости, администрации.

8.

Направление того или другого издания отражалось и в отношении к другим основным проблемам общественно-социального устройства, к идеям утопического социализма, коренной революционной переделки общества, к буржуазной действительности, к либерализму, к правительственной реакции, к официальному "патриотизму" и т. п.

Борьба с реакцией, с врагами народа, защита революционно-демократических идеалов во многом определяла содержание "Современника", "Русского слова", "Искры", других периодических изданий демократического лагеря. Она отчетливо ощущается во всех материалах, начиная с публицистических статей, политических обзоров и кончая произведениями "словесности". Везде заметно стремление передать общую удушающую атмосферу дня, когда "размышлять, работать, трудиться — становится тяжело, а подчас и совсем невозможно" ¹. Отрицательное отношение к реакции сказывается и в рассуждениях "о погоде", о "морозах", каких не бывало с начала 1850-х годов ².

Издания демократического лагеря выступают с защитой новых людей, "мальчишек", "нигилистов", зло высмеивая антинигилистические романы и повести ("Взбаламученное море" А. Ф. Писемского, "Марево" В. П. Клышникова, "Некуда" Н. С. Лескова, "Поветрие" В. П. Авенариуса и др.), показывая антихудожественность, лживость, пасквильный характер подобных произведений.

Полемика о новых людях вызвала и разноречивые оценки "Современником" и "Русским словом" романа "Отцы и дети". И тот и другой журнал по-своему защищал молодое поколение, демократов-разночинцев. Критик "Современника", Антонович, при-

---

¹ "Современное слово", 1862, № 39.

² Там же, 1863, № 60.

шел к совершенно ошибочным выводам о произведении Тургенева. Не понял он и всей сложности позиции писателя, согласившись, по существу, с тем истолкованием "Отцов и детей", которые давала реакционная печать. Но ошибки Антоновича во все не отменяли основного смысла его статьи, решения в ней вопроса о "нигилизме". Противопоставляя разные методы защиты Писаревым и Антоновичем революционных демократов от ожесточенных нападок реакции, сознавая объективную неправоту высказываний Антоновича об "Отцах и детях", следует отчетливо представлять, что в главном вопросе полемики, в отношении к новому человеку, выводы критиков "Современника" и "Русского слова" не противостояли друг другу.

Защита новых людей определяла и позицию демократических изданий в полемике, развернувшейся вокруг романа Достоевского "Преступление и наказание". Эти издания ("Современник", "Искра", "Женский вестник", "Неделя", "Гласный суд") далеко не во всем объективно оценивали новое произведение Достоевского, нередко сближали его с антинигилистической литературой. Но их оценка была направлена против реакционной печати, против тех, кто использовал "Преступление и наказание" для нападок на "нигилизм". Она, как и выступления о романе "Отцы и дети", обусловлена защитой идеи демократического лагеря. Этим объяснялось и стремление показать отличие Раскольникова от революционных демократов, подчеркнуть, что между его преступлением и революционными теориями нет ничего общего.

По-иному, но тоже с позиций защиты идеи демократического лагеря, истолковывал произведение Достоевского Писарев. Он уловил значение романа и, отграничивая его героя от подлинных великих людей, от революционеров, подводил читателей к выводу, что аномальная социальная среда формирует людей типа Раскольникова, закономерно рождая преступления.

Демократические издания показывали несостоятельность "пожарной истерии" 1862 г., попыток обвинить в поджогах революционно настроенную молодежь, связать пожары с прокламациями. Особенно часто слухи о "поджигателях" опровергаются в "Сов-

ременном слове" второй половины 1862 г., когда такие слухи получили особенное распространение.

Критиковали усиливавшуюся реакцию и "С.-Петербургские ведомости" Корша. Газета осуждала действия администрации, показывала несостоятельность многих правительственных мероприятий, возражала против слишком широкого толкования понятия "нигилизм", против включения в него ряда общественных явлений, которые, по мнению редакции, не имели ничего общего с подлинным "нигилизмом" (борьба за равноправие женщин, за естественно-научное образование, движение украинофилов и т. п.). Этим же стремлением отграничить ряд общественных и литературных явлений от "нигилизма" объясняется и критика в "С.-Петербургских ведомостях" антинигилистической литературы (особенно романа Лескова "Некуда"), отклики на роман Достоевского "Преступление и наказание" и т. п.

Но и в подобных оценках сказывалась либеральная ограниченность. С сочувствием отзываясь о направлении "Современника", газета Корша далеко не всегда была согласна с таким направлением. Она старалась доказать, что правда, высказываемая в журнале Некрасова, окрашена "слишком мрачным колоритом", "под влиянием самого сильного пессимизма" (1865, № 271).

Похвалы "Современнику" предшествующих лет использовались сотрудниками "С.-Петербургских ведомостей" для нападок на новые демократические издания, на послереформенный "Современник". Революционные демократы середины 1860-х гг. противопоставлялись в газете Корша их предшественникам; последние оценивались довольно благожелательно, признавался их талант, честность, верность своим убеждениям, их заслуги перед обществом и литературой. Но такая "объективность" оценки, мнимая доброжелательность должны были еще резче оттенить несостоятельность "эпигонов". Во второй половине 1850-х - начале 1860-х гг. либеральная критика использовала имя Белинского для борьбы с Чернышевским и Добролюбовым. Через несколько лет она противопоставляла имена последних демократам второй половины 1860-х гг. Сама же несостоятельность "эпигонов" объяснялась, по мнению либералов, развити-

ем до абсурда тех "крайних" начал, идей революционного отрицания, которые имелись уже в мировоззрении их предшественников. Знаменательна и публикация в "С.-Петербургских ведомостях" очерков А.С.Суворина "Всякие". Выйдя отдельной книгой в 1866 г., сразу после покушения Каракозова, они были запрещены цензурой. Автора обвинили в стремлении вызвать сочувствие к "нигилизму", к "государственному преступнику" Чернышевскому, изображенному под именем Самарского. С такой оценкой нельзя согласиться. Анализ очерков "Всякие" приводит к выводу, что уже в шестидесятые годы "радикальничанье" Суворина было весьма условным. Отвергая грубые нападки на революционеров, характерные для антинигилистического романа, подчеркнута противопоставляя свои очерки этому роману, Суворин старался доказать несостоятельность революционного пути, опровергнуть "нигилизм" более "тонкими" средствами, как бы создавая либеральный вариант антинигилистической литературы.

Наиболее болезненно действия правительства, проводимые им реформы восхвалялись в официозном "Голосе". С первого номера газета Краевского была проникнута официальным оптимизмом, осуждением тех, кто недоволен существующим. В сусальско-умилительных тонах повествовалось здесь о благотворных переменах, происходящих в русской жизни, в самых различных административных сферах. Резко осуждались "новые люди", недовольные постепенными изменениями. Редакция заявляла, что не намерена заискивать в той среде, "которая известна под именем "дно́й России"" (1863, № I).

Отдельные критические замечания, появлявшиеся в "Голосе", должны были, по замыслу Краевского, оказать помощь властям в устранении мелких недостатков. Крохоборческий характер подобного "обличительства" особенно ясно проявился в отделе "Петербургские отметки". Представляет интерес вопрос о сотрудничестве в "Петербургских отметках" И.А.Гончарова. Не исключено, что в его выступлениях имеется элемент скрытой пародии.

Рьяно защищали основы общественно-государственного порядка царской России, жесточно нападали на революционеров, "нигилистов" издания Каткова, в первую очередь, "Московские

ведомости". Их редактор претендовал на роль выразителя идеологии русского самодержавия, всячески акцентировал свою преданность монархическому принципу. Тем не менее, отношения Каткова с правительственными кругами были далеко не идиллическими. Постоянно возникали столкновения редакции с цензурой. Катков любил подчеркивать свою самостоятельность, независимость, противопоставлять "Московские ведомости" официальной печати, получавшей субсидии. Он иногда не боялся бороться против весьма влиятельных лиц, против министров, рискуя, казалось, все потерять из-за нежелания поступиться принципами. Но было бы ошибкой воспринимать Каткова как честного, принципиального журналиста, пусть даже крайне консервативного толка. При всей видимости независимости, "Московские ведомости", "не погрешая против силы слога и доводов, умели ладить с бюрократизмом, знали, в какой час надо промолчать, кому следует воскурить фимиамом восхвалений и кого можно задеть больно и смело"¹. Нападки Каткова на тех или других лиц, часто занимавших весьма высокое положение, отражали невидимые для читателей "подводные течения", внутриправительственную борьбу различных тенденций. Лишь ориентируясь на определенные из таких тенденций, следуя им и одновременно используя их в своих интересах, Катков мог приобрести влияние, разрешать себе то, что он разрешал.

9.

Важное место в журналистике 1860-х гг. занимали отклики на польское восстание. Маркс и Энгельс сурово осуждали действия самодержавия в Польше, связывая с ними положение самого русского народа. Э.И. Ленин в статье "О национальной гордости великороссов" цитировал слова Энгельса о подавлении царизмом восстания, полностью солидаризуясь с ними.

---

¹ Г.К. Градовский. Из минувшего. - "Русская старина", 1908, № 1, с. 79.

Русские революционные демократы горячо сочувствовали освободительной борьбе польского народа. Многие из них непосредственно в ней участвовали. Они рассматривали восстание как удар по общему врагу — русскому самодержавию. Ленин считал, что своими статьями о польском восстании "Герцен спас честь русской демократии"¹. Именно в "Колоколе", бесцензурном журнале, печатавшемся за границей, оказалось возможным выразить наиболее ясно и полно взгляды русской демократии по польскому вопросу.

Но и в периодике демократического лагеря, издававшейся в России, эти взгляды находили свое отражение. Естественно, что в обстановке все усиливавшейся реакции, правительственного террора, шовинистического угара провести такие взгляды через цензуру было нелегко. Но все же публицисты демократического лагеря сумели их высказать и при помощи приема подчеркнутого умолчания, и путем скрытых намеков, аналогий, иронических похвал и опровержений, перепечатки известий зарубежной журналистики, полемики с реакционной периодикой и ее откликами на события в Польше и т. п.² Многие произведения "словесности", опубликованные в демократических изданиях, также являлись своеобразной оценкой происходящего в Польше. Вне зависимости от того, в какой степени их авторы имели в виду восстание, эти произведения, напечатанные в обстановке 1863 г., приобретали вполне определенное звучание. К числу подобных замаскированных откликов, видимо, следует отнести появившиеся в "Современнике" переводы В. П. Буренина из Барбье ("Жертвы", "Прогресс"), Д. Д. Минаева из Гвенала ("Древний Рим"), стихотворения Н. А. Некрасова "Надрывается сердце от муки", П. М. Ковалевского "Блажени милостивии", Ф. Н. Берга "Солдатики", рассказы Е. П. Карновича "Очерки старинного быта Польши" и т. п. Намеки на польские события неоднократно встречаются в карикатурах "Искры", в фельетонах "Современного слова". Анализ содержания "Современника", "Искры", "Русского слова", "Современного слова" и других изданий демократического направления позволяет

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 260.

сделать вывод, что в русской подцензурной периодике отразились взгляды на восстание, близкие "Колоколу" и коренным образом отличавшиеся от точек зрения славянофильско-почвеннической, либеральной, реакционной печати, которая широко осуждала польские дела, единодушно осуждая восстание.

Особенно усердствовали в разжигании ненависти к восставшим издания Каткова, в первую очередь "Московские ведомости". События в Польше не только заставили правительство в полную меру оценить заслуги публицистов, поддерживавших политику сурового подавления восстания, но и вызвали в обществе официально-патриотические настроения. В таких условиях газете, делавшей ставку на антипольскую пропаганду, были обеспечены и симпатии властей, и успех у читателей. Катков отлично понял это; с начала 1863 г. он делает польский вопрос главной проблемой, вокруг которой группировалось все содержание "Московских ведомостей".

Резко осуждая восстание, требуя суровой расправы над его участниками, Катков демагогически противопоставлял восставшим народ. Уже в предшествовавший период, особенно с весны 1862 г., с майских пожаров, реакционная журналистика постоянно спекулировала словом "народность". Она изображала народ как преданную царю, религиозную, враждебную революционерам массу, как основную опору трона. О народе говорилось как о носителе высшей правды, подлинного патриотизма. Взгляды извозчиков, дворянников возводились в идеал и направлялись против ненавистных "нигилистов" (например, слухи о поджигателях). Реакционная печать стремилась натравить общественность страны на передовые демократические круги, противопоставляя их народу.

Подобная "народность" не имела ничего общего с подлинными интересами народа; она связана с прямой фальсификацией, с ориентировкой на городское мещанство. В то же время она отражала некоторые реальные черты народа: темноту, забитость, отсутствие ясного понимания социальных задач, недоверие к революционной интеллигенции и т.п. В 1862-1863 гг., после подавления основных сил крестьянского революционного движения, эти черты становятся особенно заметными. Они облегчают победу ре-

акции, и многим начинает казаться, что они определяют подлинный облик народа. Реакционная литература и журналистика возводит такие черты в идеал, видит в них проявление народной мудрости. Демократическая периодика раскрывает фальшь подобного осмысления "народности", ставя одновременно проблему противоречий народа, задумываясь о путях их преодоления. С этой точки зрения значительный интерес представляет и ряд художественных произведений, опубликованных в демократической журналистике, например, рассказ В.А.Слещова "Свиньи". Этот рассказ, напечатанный в "Современнике", перекликаясь со статьей Салтыкова-Щедрина о брошюре С.С.Тромеки "Киевские волнения", противопоставлен редакцией правительственной кампании официально-полицейского "патриотизма", широко проводившейся в 1863 г. В нем ясно показано, как подготавливались властями проявления такого "патриотизма", верноподданнических чувств, совершенно чуждых народным массам. Анализ содержания рассказа "Свиньи" позволяет сделать вывод, что этот рассказ - одно из замаскированных выступлений изданий демократического лагеря по польскому вопросу. Оно направлено против реакционной шовинистической пропаганды, борьбу с которой Слещов продолжал и в повести "Трудное время".

Своеобразие исторической обстановки, сложившейся в Царстве Польском и в Западном крае, привело к тому, что редакция "Московских ведомостей" оказалась вынужденной выступить в несвойственной ей роли защитницы крестьянских интересов от польских помещиков, поддерживавших восстание. Речь здесь шла не об антипомещичьих, а об антипольских тенденциях. Защита крестьян была весьма условной. Она объяснялась целями, чуждыми народу, задачами укрепления русского влияния в Западном крае. Но объективно подчас получалось, что в ряде вопросов "Московские ведомости" становились на сторону крестьян, а не помещиков. Этим, в значительной степени, объясняется и расхождение газеты Каткова с "Вестью". Защищая интересы крупных землевладельцев, недовольных реформой, "Весть" выдвигала на первый план аспект социальный, в отличие от

"Московских ведомостей", придававших особое значение аспекту национальному. Неприкрыто враждебное отношение "Вести" к крестьянству удерживало ее от официальной "народности", столь характерной для Каткова. Газета возражала против критики польских помещиков, против похвал крестьянам, находя, что антипольские выступления "Московских ведомостей" могут вообще подорвать принцип помещичьего землевладения. На этой почве между газетами Каткова и Скарятина возникла резкая полемика.

Польский вопрос определял во многом отношение Каткова к славянофильско-почвеннической, либеральной печати, его брань в адрес прибалтийского, украинского, кавказского "сепаратизма". С точки зрения событий в Польше оценивались многие действия администрации, инспирированные правительственными кругами брошюры Шедо-Феротти, статьи Мазада. С этой же точки зрения рассматривалась деятельность Герцена, революционных демократов, покушения Каракозова, Березовского.

Обзор высказываний славянофильско-почвеннической и либеральной журналистики по польскому вопросу позволяет сделать вывод, что эта журналистика, отвергая "крайности" Каткова, полемизируя с ним, стремясь создать видимость объективного и беспристрастного отношения к Польше, осуждая иногда грубые меры, применяемые правительством в Царстве Польском и в Западном крае, признавая возможность компромисса, в конечном итоге одобряла действия русского царизма, обосновывала необходимость подавления восстания. В ряду подобных высказываний не является исключением и статья Страхова "Рокковой вопрос", истолкованная "Московскими ведомостями" как пропольская и вызвавшая запрещение журнала "Время", где она была напечатана.

Осуждая общественно-политическую систему самодержавной России, демократическая печать отвергает и порядки буржуазной Европы и Америки, постоянно критикует либеральную идеализацию капитализма. Большое внимание уделяется социально-экономическим вопросам. Издания демократического лагеря с заметным сочувствием отзываются об идеях утопического

социализма, об ассоциациях. Отношение к проблеме коренного социально-экономического переустройства общества, к утопическому социализму отражает и полемика вокруг романа "Что делать?". В отличие от нападок на роман в консервативной, официальной, либеральной периодике, журналистика демократического лагеря, не всегда соглашаясь с отдельными деталями книги Чернышевского, высоко оценивала ее. Значительный интерес представляют отзывы Салтыкова-Щедрина о "Что делать?". Анализ их позволяет утверждать, что, возражая против "некоторой произвольной регламентации подробностей", не всегда верно осмысливая роль революционной утопии Чернышевского, Салтыков-Щедрин оказывается единомышленником автора "Что делать?" в главном, определяющем - в борьбе за общество, удовлетворяющее потребностям человека, построенное на принципах "разумного эгоизма". Солидаризуясь с Чернышевским, Щедрин использует идеи утопического социализма в первую очередь для критики "краеугольных камней" самодержавно-бюрократической России. От хроник "Нашей общественной жизни" и очерка "Как кому угодно", где речь идет о романе "Что делать?", тянутся нити к программным произведениям Щедрина более позднего периода, посвященным отрицанию "основ" ("Благонамеренные речи", "Господа Головлевы", "Круглый год").

Высказывания Щедрина о романе Чернышевского направлены и против вульгаризаторов теории автора "Что делать?", считавших себя его учениками и последователями.

Одним из важных аспектов журнальной борьбы рассматриваемого периода являлись споры о материализме, отразившиеся в отзывах о лекциях Оржевича, о Ренане и его произведении "Жизнь Иисуса", о Бокле, о картине художника Ге "Тайная вечеря", о реальном и классическом образовании и др. Направление периодических изданий сказывалось и в статьях о народном просвещении, о женском вопросе, в отзывах о событиях зарубежной жизни (наполеоновская Франция, бисмарковская Пруссия, национально-освободительное движение в Италии, Греции, Ирландии и т. п.) Оно определяло и журнальную полемику, литературную критику и беллетристику, печатавшуюся в периодике.

Газеты и журналы демократического лагеря пропагандировали литературу "отрицания", творчество писателей, раскрывавших несостоятельность "основ" самодержавной России. Они постоянно обращались к авторитету Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, цитировали их, ссылались на их высказывания. Издания этого лагеря печатали статьи, посвященные сочувственному анализу произведений Салтыкова-Щедрина, Шевченко, прозаиков-разночинцев, группировавшихся вокруг "Современника" и "Русского слова". Наиболее сильной стороной названных писателей провозглашалось правдивое изображение жизни, отсутствие всякой идеализации, раскрытие причин явлений, мешающих жить человеку¹. Нередко в статьях такого рода популяризовались выводы, сформулированные ведущими критиками революционно-демократического лагеря. Так, например, рецензент "Русского инвалида", анализируя рассказы Н.В.Успенского, почти буквально повторял положения статьи Чернышевского "Не начало ли перемены?"²

Оценивая произведения Салтыкова-Щедрина, сотрудники демократических изданий обращали внимание на то различие, которое существует между ним и либеральными писателями—"обличителями". Так, в "Русском инвалиде", редактируемом Н.Г.Цисаревским, опубликована статья постоянного сотрудника "Современника" А.Ф.Головачева "Об обличительной литературе" (1861, № 200). Она направлена против "обличителей", считающих, "что если бы только да на место Петра Федоровича посадить Федора Петровича, то <...> все пошло бы как по маслу". Головачев противопоставлял Салтыкова подобным "обличителям", истолковывая выводы сатирика как отрицание "основ": "Внешний вид не изменяет сущности <...>; перекрашивай дом, в котором нет печей, хотя по двадцати раз на год, он все-таки останется негодным для житья в нашем климате". К анало-

¹ См., например, в "Русском инвалиде" статьи "Литературная летопись" (1862, № 8) и "Нечто о русском пролетарии" (1862, № 79).

² Там же, 1862, № 8.

гичному сопоставлению общественного порядка царской России с домом, негодным для жилья, который можно сжечь, но нельзя переделать, обратился позднее Слепцов в повести "Трудное время".

Сотрудники изданий демократического лагеря высоко оценивали эстетическую теорию Чернышевского. Так, например, во "Внутреннем обозрении" "Женского вестника" В.В.Чуйко утверждал, что Чернышевский — родоначальник всех плодотворных современных идей об искусстве, непохожих на общие места, характерные для идеалистической эстетики (1867, № 4).

С отношением к теории Чернышевского во многом связана и оценка литературной деятельности И. Тэна. О Тэне с похвалой говорилось в "Заграничном вестнике", в "Женском вестнике". Редакции этих журналов печатали его "Историю английской литературы", статьи "Философия искусства", "Английские романисты" и др.^I Значение и прогрессивность Тэна в откликах о нем явно преувеличивались. Но Тэн противопоставлен в них сторонникам "чистого искусства", истолкован как критик, ратующий за связь искусства с жизнью, говорящий о том, что взгляды писателей формируются общественной средой, что художник должен проникнуться интересами современности. Выводы Тэна осмыслены как пропаганда боевого, действенного искусства, выражающего передовые идеи своего времени, сближены с положениями Чернышевского. Такое сближение вызвало возражение Е.Н.Эдельсона в № I "Всемирного труда" (1867). Упреки Эдельсона во многом справедливы. Тэн и Чернышевский в их взглядах на искусство, конечно, не были единомышленниками. Автор "Женского вестника", В.В.Чуйко, сближая их, допускал натяжку. Но важно и другое: Чуйко, пусть и неправомочно, истолковывал Тэна в духе эстетической теории Чернышевского, защищая эту теорию, противопоставляя ее идеалистической эстетике, Эдельсон же, более тонко уловив отличие Тэна от Чернышевского, принимая Тэна, использовал его в борьбе против

^I См. "Заграничный вестник", 1864, №№ 4, 8, 9, 1865, №№ 10, 11, "Женский вестник", 1866, № 2, 1867, № 4 и др.

эстетической теории Чернышевского, обвиняя последнего в пренебрежении к искусству.

Общее направление изданий демократического лагеря сказывается и в их оценках зарубежных писателей, в похвалах В.Гюго, Ш.Занд, Г.Гейне, Т.Гуду, К.-А.Ройе, Г.-Я.Гриммельсгаузена, Ф.Рейтеру и др. Оно же во многом определяет отбор произведений "словесности", оригинальных и переводных (Н.В. и Г.И. Успенские, Н.Г.Помяловский, Н.А.Благовещенский, Н.Ф.Бажин, Г.Н.Потанин, А.И.Левитов, Ф.М.Решетников, Н.А.Демерт, М.М.Стопановский, Н.А.Вормс, Н.И.Кроль. И.В.Федоров-Омулевский, Л.И.Пальмин, А.Л.Боровиковский, В.Гюго, Ш.Занд, Л.Ганьер, К.Порта, В.Альфьери, Ф.Онгаро, В.Сырокомля, Г.Фаллерслебен и др.).

С литературными воззрениями демократической периодики вели борьбу издания консервативного и официального направления. Они старались доказать несостоятельность позиции писателей-демократов, прибегая часто к грубой брани, к прямой фальсификации. Оценки, появившиеся в консервативной и официально-либеральной печати, нередко почти совпадали друг с другом. И там, и здесь встречались злобные выпады в адрес Чернышевского, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Слепцова и др.

Литературные высказывания либеральных "С.-Петербургских ведомостей" во многом отличались от подобных выпадов. В газете Корша встречались сочувственные упоминания о писателях-демократах. Но, отзываясь с похвалой об этих писателях, "С.-Петербургские ведомости" сопровождали похвалы существенными оговорками. Так, например, автор статьи "Современная беллетристика", П.В.Анненков, отмечал талант Помяловского и Н. Успенского, правдивое изображение ими жизни. Но он же упрекал Помяловского и Успенского за "голуб правду", за односторонне-отрицательный подход к действительности, который, по мнению Анненкова, является предпосылкой падения таланта (1863, № II). Аналогичные взгляды высказаны по поводу творчества Слепцова и Н.Успенского в статье В.П.Буренина "Общественные и литературные заметки" (1865, № 279).

"С.-Петербургские ведомости" весьма высоко оценивали

творчество Салтыкова-Щедрина, но и здесь не обходилось без оговорок. В статье "Современная беллетристика" (1863, № 85) Анненков хвалил Салтыкова, давая тонкий и во многом верный анализ его творчества. Но он относил сатирика к "деловой беллетристике", которая, по мнению рецензента, не является подлинным искусством. Счастье Щедрина, по словам Анненкова, заключается в том, что он не целиком уместается в рамки такой тенденциозной "деловой беллетристики". Автор статьи осуждал сатирика за постоянное возвращение к теме крепостнической России, за стремление оживить все умершее. Аналогичные упреки адресовал Щедрина и Незнакомец (Суворин) в "Недельных очерках и картинках" (1867, № 244).

Литературная позиция изданий разных направлений определила отзывы о романе Тургенева "Дым". Большинство газет и журналов встретило новый роман весьма недоброжелательно. Это неодобрение вызывалось часто совершенно несходными причинами. Издания демократического направления критиковали "Дым" как еще одну попытку оклеветать "нигилистов"¹. Обрисовка кружка Губарева, по словам одного из рецензентов, "кладет новое пятно" на имя писателя, ставит "Дым" "на одну доску с романами гг. Стебницкого и Авенариуса"². Подобные оценки, при всей их несправедливости, выдержаны в духе тех отзывов об "Отцах и детях", "Призраках", "Довольно", которые давались в большинстве демократических органов. Сотрудники изданий демократического направления отзывались иногда сочувственно о недовольстве Тургенева действительностью, о его "желчи и злости", о разочаровании в надеждах и ожиданиях, которое отразилось в "Дыме". Но, отмечая естественность подобного мрачного мировосприятия, они упрекали Тургенева за то, что он не разобрался в причинах, определивших торжество

¹ См. "Гласный суд", 1867, №№ 162, 178, 203, 221, "Иенский вестник", 1867, № 6.

² См. статью Н. А. Благовещенского "Наша современная журналистика", - "Иенский вестник", 1867, № 6, с. 97.

реакции, и унизил себя карикатурой на новых людей ¹.

С диаметрально противоположных позиций критиковала "Дым" консервативная "Весть", отвергая стремление писателя быть объективным, стать "над действительностью", "отхлестать" не только "агитаторов", но и "молодых генералов", светское общество. Сотрудники "Вести" сближали "Дым" с теориями Герцена и Чернышевского, с "крамольным" учением "нигилистов" (1867, № 149).

Не одобрил романа и официально-либеральный "Голос", хотя многое в "Дыме" и вызывало сочувствие газеты Краевского. Сотрудник "Голоса" хвалил Тургенева за обрисовку кружка Губарева, за то, что в романе "достается" "сынам того самого нигилизма, от которого с презрением отвертываются ныне его же прежние адепты" (1867, № 124). Высказывалось сожаление, что писатель ограничился карикатурой на второстепенных лиц, что в "Дыме" не очерчены более крупные деятели эмиграции, что в нем нет прямой сатиры на Герцена и т.п. Не вызвала возражений редакции "Голоса" и обрисовка в романе "баденских генералов" (она проицировалась "Голосом", как и "Московскими ведомостями", на аристократов круга "Вести", с которой велась ожесточенная полемика). Силу Тургенева сотрудник "Голоса" видел в том, что он враждебен и реакционерам, и революционным демократам.

Но критик "Голоса" был явно недоволен персонажами, не входящими ни в один из "крайних" кружков, пессимизмом этих персонажей, позицией писателя, который не противопоставил демократам и реакционерам никакой серьезной силы, не показал "практических деятелей", "работников", полных сил, бодрости, надежд, помогающих правительству в его преобразованиях. Рецензент "Голоса" считал, что картина русской действительности, нарисованная Тургеневым, получилась слишком мрачной и безотрадной.

---

¹ Там же.

Наиболее сочувственно о "Дыме" отзывались "С.-Петербургские ведомости", которые, подобно "Голосу", истолковали роман как критику "крайних" партий (1867, № II7). Не одобряя "мрачности" взгляда Тургенева на Россию, рецензент "С.-Петербургских ведомостей" делал вывод, что идеал писателя - европейская цивилизация, и солидаризовался с таким идеалом.

Направление отдельных газет и журналов сказывалось и в их откликах на цензурную политику правительства. Выступления по вопросам свободы печати в рассматриваемый период группировались вокруг двух событий: появления временных правил 12 мая 1862 г. и положения 6 апреля 1865 г. Знаменательно, что в журналистике, противостоящей демократам, за сохранение предварительной цензуры не высказывался почти никто (исключение составляло лишь "Наше время" Н.Ф. Павлова, вначале не разобравшегося в намерениях правительства). Подавляющее большинство газет и журналов защищало "свободу слова", иногда более или менее искренно, иногда демагогически-лицемерно, сопровождая свою защиту оправданием конкретных цензурных преследований. Все, кроме демократов, утверждали, что свобода печати приведет к укреплению государственных основ и к падению "нигилизма". Они доказывали, что русское самодержавие хочет и может ввести законы, обеспечивающие свободу слова, что долг журналистики - помочь правительству в обсуждении и подготовке таких законов.

Иной точки зрения придерживалась периодика демократического лагеря. Она, критикуя различные цензурные законодательства, подводила к выводу, что такие законодательства естественны для реакционных правительств, что обсуждение вопроса о цензурных преобразованиях не имеет в данных условиях практического значения, не в силах оказать благотворного влияния на подготовку и проведение цензурной реформы, а может лишь содействовать пониманию происходящего.

В рассматриваемый период демократическая пресса несла большие потери. Преследованиям подвергались не только издания последовательно-демократического направления, но и журналы и газеты с демократическими тенденциями. Правительство приостанавливает, а позднее запрещает ведущие журналы революционно-демократического лагеря, "Современник" и "Русское слово". По распоряжению властей закрыты газеты "Очерки", "Современное слово", "Народная летопись", "Гласный суд". Не без цензурного вмешательства прекратили свое существование журналы "Заграничный вестник" и "Женский вестник". Не раз на волоске от запрета находилась "Искра".

Но, несмотря на все трудности, демократическая журналистика продолжала выполнять нелегкие задачи, стоявшие перед ней. Тенденции, враждебные коренным основам существовавшего порядка, начинали внезапно ощущаться то в том, то в другом издании. Одни и те же публицисты переходили из журнала в журнал. Сплошь и рядом, изучая различные издания с демократическими тенденциями, исследователь встречается с теми же именами. Часто это имена не слишком известные, ныне забытые. Иногда имен и вовсе нет. Большинство статей не подписано или подписано псевдонимами, нередко до сих пор не расшифрованными. Тем не менее, такие забытые или безымянные авторы сыграли не малую роль в распространении демократических идей, в сохранении традиций Чернышевского и Добролюбова в трудную эпоху безвременья.

Один из яростных "опровергателей" революционных демократов, А. Незлобин (А. А. Дьяков), был в значительной степени прав, утверждая, что распространению "нигилизма" в обществе "содействовали тысячи имен, более или менее ничем не примечательных, таившихся в журналах под скромными двумя буквами, а в них-то и была вся сила пропаганды. Через них новые идеи проникали в общество, находили в нем поклонников и последователей" ^I.

---

^I А. н е з л о б и н. Нигилизм и литературное развитие. Одесса, 1880, с. 4.

Хотя на пути распространения демократических идей двигались всяческие препоны, эти идеи оказались невозможным уничтожить. Правительству не удалось ликвидировать вольнолюбивую журналистику. Рассеянные силы сплачивались вновь. С 1866 г. начало издаваться "Дело", в 1868 г. "Отечественные записки" перешли в руки Некрасова и Салтыкова-Щедрина. Борьба продолжалась.

Основные положения и значительная часть диссертации опубликованы в работах общим объемом около 40 авторских листов. В их числе:

Демократическая газета "Современное слово". - Уч. зап. Тартуского ун-та, вып. 121, Тарту, 1962. 7,25 авт. л. Монография.

Обсуждение новых постановлений о печати в русской журналистике 1862 г. и газета "Современное слово". Там же, вып. 104, Тарту, 1961. 2 авт. л.

Журнал "Заграничный вестник". Статьи первая и вторая. Там же, вып. 167, 184, Тарту, 1965, 1966. 4,7 авт. л.

Журнал "Женский вестник". Статья первая. Там же, вып. 266, Тарту, 1971. 3 авт. л.

М.Е.Салтыков-Щедрин. Тарту, 1967. Монография (ротацинт). 8 авт. л.

"Современник" и "Русское слово" перед "расколом в нигилистах". - Уч. зап. Тартуского ун-та, вып. 251, Тарту, 1970. 3 авт. л.

Чернышевский, Лисарев, Салтыков-Щедрин в оценке Горького. Там же, вып. 217, Тарту, 1968. 2 авт. л.

М.Л.Михайлов. Примечания к статьям 3-го тома (М., 1958): "Старые книги", "Художественная выставка в Петербурге", "'Кобзарь" Тараса Шевченко", "Г - н Геннади, исправляющий Пушкина", "Стихотворения А.Н. Плещеева", "Парижские письма", "Женщины, их воспитание и значение", "Из Берлина". 2 авт.л.

М.Е.Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в 20 тт. Примечания и преамбулы к статьям 5-го т. ("Киевские волнения", "Несколько слов по поводу "Заметки"...", "Несколько серьезных слов по поводу новейших событий в С.-Петербурге", "Несколько полемических предположений"), 6-го т. ("Наша общественная жизнь" за 1864 г.), 9-го т. ("Литература на обеде", "Материалы для характеристики современной русской литературы"), 13-го т. ("Круглый год"). М., 1966, 1968, 1970, 1972. 5 авт. л.

Рассказ Слепцова "Свиньи" и русская журналистика 1863 г. - "Литературное наследство", т.71, М., 1963. 0,7 авт. л.

Борьба в 1862 - 1863 гг. вокруг романа Тургенева "Отцы и дети". - Уч. зап. Тартуского ун-та, вып. 139, Тарту, 1963. 0,7 авт. л.

Забывтая статья о Шевченко. Там же. 1 авт.л.

Щедрин и Чернышевский. Там же, вып. 209, Тарту, 1968. 0,7 авт.л.

Щедрин и "Искра". Там же. 1,3 авт.л.

Кто такие "археологи"? Там же, вып. 184, Тарту, 1966. 0,1 авт.л.

Иностранная цензура в Тарту. Там же. 0,1 авт.л.

Предполагаются ли дети? Там же, вып. 251, Тарту, 1970. 0,25 авт.л.

Книга очерков А.С.Суворина "Всякие". Там же. 0,25 авт.л.

И.А.Гончаров и газета "Голос". Там же, вып. 266, Тарту, 1971. 0,1 авт.л.

П.С. Рейфман

ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНОЙ БОРЬБЫ
НА СТРАНИЦАХ РУССКОЙ ПЕРИОДИКИ 1860-х ГОДОВ

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

На русском языке

Тартуский государственный университет
ЗССР, г.Тарту, ул.Библиооли, 18

Ротапринт ТГУ 1972. Подписано к печати 10/III-1972 г.
Тираж 250 экз. Печ. листов 3,0. Бумага 30x45. 1/4.
МВ 00615. Заказ № 341.

Бесплатно

Бесплатно

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00862893 7